

ЗВУЧАНИЕ ГЕРОЙЧЕСКОЙ ТЕМЫ

Среди спектаклей, показанных в Москве Государственным Польским театром, особое место занимает постановка «Сида» П. Корнеля в переводе-переработке Станислава Высянского.

Трагедия П. Корнеля прочно вошла в историю польского театра и польской культуры. Впервые Польша узнала «Сида» в переводе Анджея Морштына представленным в Варшавском замке в 1662 году, через 26 лет после парижской премьеры. В XIX веке «Сид» на польской сцене шел в обработке Людвиг Осинского, придавшего произведению Корнеля строго классическую форму в соответствии с требованиями кардинала Ришелье и других критиков драматурга.

Выдающийся польский поэт, художник и драматург Станислав Высянский, продолжатель великих традиций польского романтизма — Мицкевича и Словацкого, по-новому прочел и воспринял трагедию Корнеля. В ней Высянского привлекал патриотизм и героизм основных персонажей, отвечавших его мечтам об обновлении польского театра, о создании монументальной драмы. Не случайно ему принадлежит и сценическая обработка драматической поэмы Мицкевича «Деды», насыщенной идеями патриотизма и героизма.

В своем переводе «Сида» Высянский в одних сценах строго придерживается французского подлинника, в других отступает от него, заменяя александрийский стих более короткими строками и подчеркивая ритмику стиха сильными рефренами. Высянский смело переставляет акценты, выдвигая, например, образ Инфанта, подчеркивая ее невысказанную любовь к Родриго.

ментальными были его драмы «Проклятие», «Свадьба», «Освобождение» и драмы на сюжеты из польской истории.

Буржуазные критики и режиссеры видели в Высянском символиста, сопоставляли его с Шпильевским, забывая или игнорируя истинную патриотическую направленность его драматургии. Только в народной Польше Высянский нашел правильную оценку. В его творчестве много противоречий, колебаний, но за этими противоречиями отчетливо виден протест драматурга против натурализма, в который выродился критический реализм XIX века, и желание сделать свой театр подлинным достоянием народа.

В свободной народно-демократической Польше осуществляется мечта Высянского, высказанная им в стихотворении, прочитанном в качестве пролога к «Сиду», — «Мой театр я вижу огромным».

Да, его театр стал «огромным», потому что он принадлежит теперь свободному народу! И мы искренне благодарны Государственному Польскому театру за то, что он привез в Москву свою прекрасную постановку «Сида» Корнеля—Высянского.

Не так давно московский зритель имел возможность видеть «Сида» в постановке Театра «Комеди франсез». Совершенно естественно напрашивается сравнение двух спектаклей, очень различных. Французские актеры показали с большим техническим мастерством традиционное восприятие классической трагикомедии Корнеля, выдвигая на первый план любовь Родриго и Шимены.

Спектакль Театра Польского звучит не столько как воспроизведение классицист-

гедии, от действующих на сцене актеров.

Из отдельных исполнителей хочется прежде всего отметить Нину Андрыч. Таlantливая актриса в созданном ею образе Шимены показала большую внутреннюю напряженность, сдерживаемую борьбу противоположных чувств. Очень тонко и выразительно были проведены все сцены с Родриго и с королем, особенно в последних двух актах. Нина Андрыч отлично владеет своим на редкость красивым, глубоким, низким голосом, у нее превосходная пластика.

Рядом с ней запоминается Эльжбета Барцевская в роли Инфанта, старающейся побороть в себе чувство любви к Родриго. Актриса превосходно владеет внутренней и внешней техникой. В четвертом акте, когда король благодарит Родриго, Э. Барцевская проводит большую немую сцену, укрываясь за колонной. Какое исключительное богатство мимики в этой сцене, какое безмолвное выражение любви и гордости за Родриго! Очень выразительно София Малынич — Элеонора, воспитательница Инфанты.

Родриго в исполнении Яна Кречмара показан больше героем, чем любовником, — и это верно. Безукоризненно проводит актер сцену с отцом в первом акте, когда после тяжелой внутренней борьбы Родриго решает пожертвовать столь дорогим для него чувством к Шимене. Ян Кречмар глубоко правдив в выражении своих чувств и внутренней борьбы; естественность его игры сочетается с необходимой для трагедии приподнятостью. Хотелось бы только большего темперамента в расказе о ночном бое с маврами.

Выдающийся актер Ежи Лещинский в роли дон Диего, к сожалению, не мог показать своего дарования в полном блеске, эта роль была отодвинута режиссером на второй план. Только в сцене ссоры с донем Гомеом обнаруживаются большие возможности актера.

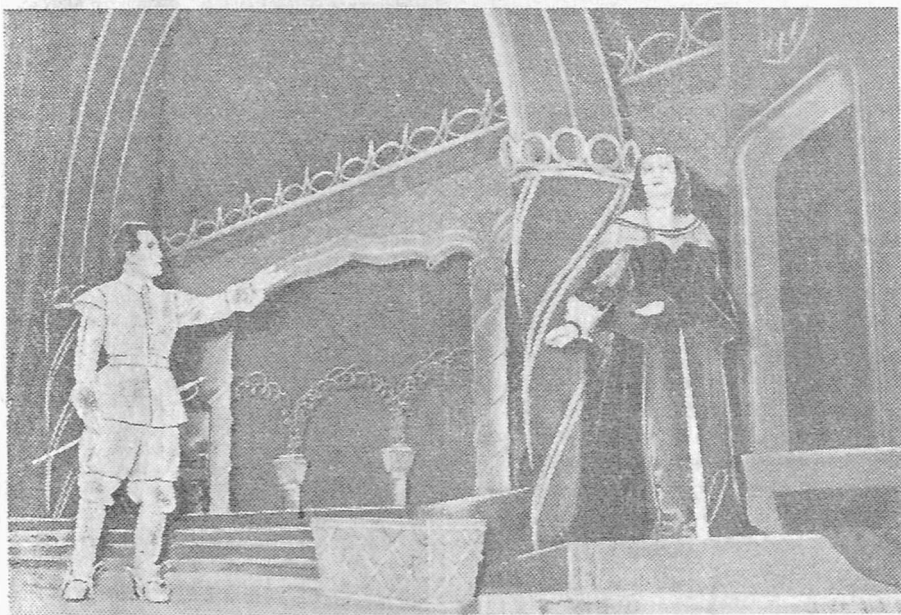
Очень хорош Чеслав Каллиновский в роли короля. Живыми и яркими образами спектакля являются Эльвира — Мелания Хшановская и дон Гомец — Густав Бушинский.

Добавленные к трагедии пролог и эпилог интересно и выразительно прочел Маршан Выжиковский.

Большой режиссерской удачей надо признать концовку спектакля, подкрепляющую основную идею трагедии — прославление патриотического долга. Конфликт между Шименой и Родриго счастливо разрешен. Король вручает Сиду жезл военачальника; Шимена вправе отречься от родовой мести, ибо Родриго должен жить, он нужен родине как воин и защитник.

Спектакль «Сид», патетический и благородно сдержанный, — несомненное творческое достижение Государственного Польского театра. Наряду с другими спектаклями постановка «Сида» подтверждает, что театр стоит на верном творческом пути, поиски его смелы и многообразны. Московский зритель увидел богатые результаты большой, серьезной и вдумчивой работы талантливого коллектива.

Профессор С. ИГНАТОВ.

Сцена из спектакля «Сид». Дон Родриго — артист Ян Кречмар, Шимена — артистка Нина Андрыч.

Фото В. Соболева и В. Мастокова. (ТАСС).

Но полнее всего Высянский воспринял у Корнеля и развил в своем переводе то глубокое чувство патриотизма, каким наделены персонажи трагедии. Инфанта, Шимена, Родриго — все они жертвуют своей любовью, своими личными чувствами во имя интересов родины. Обработкой «Сида» Высянский подчеркнул свое стремление к созданию монументальной драмы, которая должна волновать широкие круги зрителей. Такими же мону-

ской драмы, сколько как актуальная постановка. Трагикомедия Корнеля в переводе Высянского превратилась в подлинную трагедию.

Постановщик спектакля Эдмунд Верцинский удачно подчеркнул героический пафос трагедии. Режиссер создал впечатляющий спектакль в сдержанных обиходных тонах. Изящное декоративное оформление художницы Терезы Рошковской не отвлекает внимание зрителя от перипетий тра-